

Жить в городе первым петербуржцам было трудно, как вообще трудно жить на всякой северной стройке. Тучи комаров залепляли лицо и руки летним днем, мороз не давал покоя в зимних потемках. Пробираться по городу большую часть года было непросто: «Если только день идет дождь, то пешком уже нигде не пройдешь, повсюду застреваешь в грязи». ⁷⁴

Но потом положение изменилось. Строительство мостовых стало одним из обязательных дел в городе. Петербургские улицы покрывали как деревянными настилами, так и камнем. Строили мостовые тщательно, с подсыпкой земли. Так, к примеру, в 1722 г. землю, извлеченную из реки Мойки, свозили к Почтовому дому «для мощения мостов» из дикого камня. ⁷⁵ Как известно, несколько десятилетий в городе царил закон, по которому путник не мог войти и въехать в город, если не прихватил с собой нескольких камней. С 1717 г. появилась серия указов об обязательном мощении улиц перед домами их владельцами, непременно «глатким мастерством». Из этих указов нам известно, что жители воспринимали предписания о мощении без энтузиазма и всячески от этой работы увиливали. Но Петр был непреклонен, дело хотя и медленно, но шло, и когда, уже после смерти первого императора, в Петербург приезжали путешественники, то многие отмечали его широкие и непривычно для России ровные и гладко вымощенные улицы.

⁷³ Джастис Э. Три года в Петербурге // *Беспярых Ю. Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 93.

⁷⁴ «Точное известие о... крепости...» // *Беспярых Ю. Н.* Петербург Петра I... С. 59.

⁷⁵ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 22а. Л. 285.

В отличие от Амстердама в Петербурге целой проблемой становилась пора ледостава и ледохода, когда ни плавать по воде, ни ходить по льду было невозможно. Власти, как могли, боролись с теми, кому не терпелось перебраться через Неву в запрещенное указами время. Юст Юль писал в 1710 г., что при ледоходе стража стремится не дать людям сойти на неверный лед, но «русские с замечательным бесстрашием и безрассудной смелостью переходят Неву в то время как лед уже взламывается, они видят это, знают, что лед уносится в одно мгновение и все же идут, пока только он держится». Далее датский посланник пишет о какой-то отважной особе женского пола, которая с ребенком на руках пыталась форсировать Неву по неверному льду, но была унесена на льдине с глаз наблюдателя. Царь также проявлял ненужный героизм: «еще река не очистилась ото льда, как он, лавируя меж льдин, первым пересек Неву и вернулся назад на своем голландском буере». ⁷⁶ Буер — легкое одномачтовое плоскодонное судно, с бортов которого выпускались шверцы — кили. Они препятствовали дрейфу. Зимой, по льду Петр ездил на другом голландском буере — легкой, поставленной на коньки и снабженной большим парусом лодке. На таких буерах голландцы ездили зимой по своим каналам и рекам в XVIII—XIX вв., о чем писала Мэри Додж в известной многим читателям замечательной детской книжке «Серебряные коньки».

С самого своего рождения город страдал от наводнений («большой воды» или «большой погоды»). Хотя в петровское время и не случалось катастрофических наводнений, но зато даже малые наводнения приходили в город внезапно, они беспощадно губили весь товар в погребах, уносили лес и дрова со складов. Обычно неожиданный приход воды сразу же превращал город в Венецию, люди плавали по улицам на лодках. Очевидец сентябрьского наводнения 1710 г. Юль писал, что «вода прибыла настолько, что на значительную высоту затопила дома, большие суда свободно проходили между зданиями и уплывали далеко в поле». Причина наводнений уже тогда не была секретом: «Подобный подъем воды бывает здесь всегда при сильных и продолжительных западных ветрах, которые приостанавливают течение реки, вследствие чего она выходит из берегов». ⁷⁷ Просыпаясь от вливавшейся в дома воды, жители в отчаянии спасали подмокшие вещи и провиант, заводили лошадей на второй этаж и, наверное, поминали крепкими словами царя и всю его затею с «Парадизом» на берегу коварной реки. Весело было только Петру, который писал жене: «Зело было утешно смотреть, что люди по кровлям и по деревьям будто во время потопа сидели, не точию мужики, но и бабы». ⁷⁸

Сильным было наводнение 5 ноября 1721 г. Вода пришла ночью, затопила большую часть города, повредила правительственные здания на Троицкой площади, снесла многие пристани и деревянные настилы на

⁷⁶ Юль Ю. Записки... С. 186.

⁷⁷ Там же. С. 244.

⁷⁸ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1856. Т. 3. С. 273.

Изображение наводнения 5 ноября 1721 года.
С немецкой гравюры XVIII в.

улицах, а стоявшие на Неве «суды большой водой взбило на берег», строевой лес и дрова разбросало по всей акватории Невы и Финского залива. Особенно разрушительны были наводнения, как уже сказано выше, для набережных и каналов. Сила стихии была такова, что наводнение 1721 г. в канале у Литейного двора от берега оторвало и «поглощило [набережной] сажени пятнадцать, и сваи и щитов выбило, и сверху брусья в одном месте збило».⁷⁹ Это наводнение даже вызвало в городе панику, которую описывает придворный герцога Голштинского Берхгольц. Поначалу он, как и другие жители, не придав особого значения подъему воды в Неве, вышел на берег реки, однако, как записал Берхгольц в дневнике, «пройдя еще несколько далее, я был поражен опасностью, какую увидел по ту сторону реки — там вода доходила уже до окон Кофейного дома, стоящего близко к берегу. С ужасом смотрел я на разные суда, оторванные ветром и уносимые бурными волнами. Однакож мне нельзя было долго оставаться: вода как скоро выступила из каналов, начала преследовать меня со всех сторон и принудила сойти с улицы, откуда я поспешил опять в дом герцога, чтобы взглянуть, что там делается... При входе на герцогский двор я нашел всех людей за работой: вытаскивали из

⁷⁹ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 25. Л. 1, 18.

погребов все, что было можно, потому что вода уже лилась туда со всею силою, но скоро она поднялась до того, что никто, из боязни утонуть, не решался более спускаться в погреб. В подземных комнатах (подвалах. — *Е. А.*) в то же время начало поднимать кверху полы (типичное для петербургских новодний явление — *Е. А.*)... всюду раздавались вопли и жалобы». Затем Берхгольц рассказывает, как вода проникла в конюшню и, обеспокоенные судьбой пяти находившихся там лошадей, люди «не без труда поспешили провести их наверх, сделав из двух комнат конюшню»; из окон было видно, как по Неве носятся оторвавшиеся или потерявшие управление суда, некоторые с людьми, «со всех сторон плыло такое огромное количество дров, что можно было бы в один этот день наловить их на целую зиму». Наводнение сбрасывало мостки, валило заборы, «ветер был так силен, что срывал черепицы с крыш». Но к вечеру вода спала, и по улицам уже можно было ходить.⁸⁰

Осенью 1729 г. «шторм» (буря) впервые причинил значительные разрушения Летнему саду. Как записано в донесении Канцелярии от строений, большое судно, «взбитое» водой, разрушило часть посадок деревьев, снесло крыльца, «в Еловой роще... болясы и мосты все переломало много и разнесло, и крыльцо у галерее розбило... На Конюшенном дворе в поперешном флигеле в исподнем жилье все полы подняло» и т. д. и т. п.⁸¹ Самое страшное для любимого царем «Огорода» было еще впереди — в 1777 г. петровский Летний сад был фактически разрушен дотла.